

Беседа редактора журнала «Вертикаль. XXI век», прозаика Валерия Сдобнякова с поэтом Борисом Лукиным, главным редактором и составителем десятитомной антологии поэзии о Великой Отечественной войне.

ВОЙНА И МИР. Антология: Великая Отечественная война (1941–1945) в русской поэзии XX–XXI вв. Идея Дмитрия Мизгулина. Главный редактор, редактор-составитель Борис Лукин. Редактор-составитель Юрий Перминов. В десяти книгах. Кн. I–V (авторы до 1927 г.р.). – Тюмень: Тюменский издательский дом, 2015 – 2016.

– Вышла антология «Война и Мир». Вы ее составитель. Прделан огромный труд. Но почему именно вас волнует эта тема? Может быть, это отголоски, далёкого теперь уже, детства, что глубоко сидят в каждом из нас? Может быть, это связано с чувствами, пережитыми «по наследству» от родных и близких? Я вспоминаю свое канавинское детство на Нижегородской ярмарке. Помню и инвалидов безногих, что передвигались по городу на деревянных колясках-платформах с подшипниками вместо колес, и ветеранов с наградами на пиджаках, и то, как мы, мальчишки играли медальми «За отвагу» в чеканку. Удобными металлическими кругляшами ловко получалось, ударяя ими в край монеты переворачивать те с решки на орла. Как ни странно, но именно этими бытовыми деталями въелись в мою душу, память о Великой войне.

– Ваше поколение старше! Вы уже готовились в первый класс, когда я только родился. Для человеческой жизни в молодости – это целая вечность. Потому много послевоенных картинок принадлежит именно вашему поколению. Я один из немногих в своем поколении видел награды папы на праздничном пиджаке. У моих ровесников были только воспоминания дедушек и бабушек о войне. Например, у товарища воевал дед-врач. Дома у него было много трофеев, привезенных дедом из Германии и Японии после Победы: ценные вещи, книги и даже оружие... Мы отливали из свинца пистолет Вальтер по слепку с настоящего. Потом красили его в черный цвет. Может быть, обилие немецких вещей сделала моего приятеля поклонником их техники и культуры, я же был и остаюсь обычным советским человеком – играл во дворе я всегда за Красных.

Я – поздний ребенок. Папа – ровесник революции. Мама родилась в середине двадцатых годов, поэтому всю войну проработала в Коврове на военном заводе. И почти десять лет лечилась от странной аллергии на холод, – зимой у неё часто начиналась кожная болезнь на руках. Военные зимы были слишком холодные, а работали много.

Помню слова родителей о том, что еще мааденцем я поломал и папины награды, и мамину иконку. Игрушек не было. А медали были красивые. Уже взрослым пришлось ремонтировать их. «За отвагу» среди них тоже была.

Папина война – я ее ощущал именно так – никогда не отпускала меня. Помню, как лет 12-ти читал ему вслух «Василия Теркина». Это были мои первые шаги в сторону поэзии. Он не перебивал. Я читал и читал, до дрожи не только в голосе, но и во всём теле. Это возбуждение наступает меня и теперь, когда я пишу стихи.

О моем собственном отношении к войне я почти ничего не смог написать. Несколько стихотворений родились уже после смерти папы. А он прожил больше 80. Увидел и понянчил внука Ивана – своего тезку.

Стихи пришли как самопознание: *«Нашим старым отцам было в радость, что мы молодые, // что ровесников наших отцы им годятся в сыны. // Каждый год нашей жизни для них, как листья наградные: // за отвагу, за храбрость, за веру в бессмертье страны...»*

А еще и о нём и обо мне – единых нас: *«Чтобы всё это начать говорить, // прежде нужно было сына родить...»*

В этом стихотворении я словно прожил войну и долгие послевоенные годы одиночества до встречи моих родителей, прожил вместе с ними.

И когда мне предложили работать над антологией поэзии о Великой Отечественной войне, я согласился не сразу. Понимание ответственной и огромности задачи не позволяло согласиться не прочувствовав, не осознав – что меня ожидает. Поэт Дмитрий Мизгулин предлагал проект от имени своего Литературного фонда «Дорога Жизни», президентом которого он является. Лишь к лету 2013 было принято решение о начале работы над десятитомником. А к осени мы пригласили к сотрудничеству Юрия Перминова – омского поэта и редактора прекрасных антологий, в частности: «Стихи о матери». В это время он составлял книги о сибиряках, защитниках Сталинграда. Он и подключился для работы с авторами по Дальнему Востоку и Сибири. Мои контакты в этом регионе до сих пор не настолько обширны.

Поэтому на форзаце каждого тома есть обращение к читателям от имени трех поэтов – задумавших, работавших, воплотивших.

– Но ведь не просто так вам поступило предложение составить столь огромную антологию. До этого у вас выходили и собственные поэтические сборники, но был и опыт совместного издания сразу пяти поэтов «под одной обложкой», издателем которого тоже были вы. Из этого опыта, из желания служить общему делу, русской литературе родилась, как я понимаю, идея издания литературного журнала (которой не суждено было воплотиться в жизнь), и только потом настала очередь антологии «Наше время» – пять томов вышло за прошедшие годы. Этот литературный проект имел заслуженное признание по всей стране.

– Конечно, опыт работы над собственными книгами был важен. Я не издавал избранное, а всегда делал книги, рождаемые темой. Для книги даже названия не подбирались, а рождались во время написания стихов! Так было, например, с «Долготой времени». А «Поединок» получил своё имя за гражданскую тематику, но в первую очередь – от названия известной гравюры С. Харламова, фрагмент её стал суперобложкой. «LeLь» – книга любовной лирики – несколько лет не мог воплотиться... Не было названия. А когда появилось, то не получалось сделать единое тело. Но в итоге произошло разделение на две части: «Книгу страсти» и «Книгу даров». А художник из Екатеринбурга, Юлия Колинко, отлила ее в неповторимой форме, как отливают в опоках колокола или сложной формы ключи.

Но читатели сегодня мало обращают внимания на авторские искания. Культура книги ушла в прошлое, к сожалению. Даже коллеги-поэты невнимательны. Делая перевод первого стихотворения в книге «Долгота времени» переводчики не замечали, что это акростих. Кстати, почти все мои книги открываются акростихами.

Антология современной литературы России «Наше время» родилась иначе. Во время работы в «Литературной газете» я понял, насколько писатели разобщены. Когда эта разобщенность возникает у людей разных поколений, к этому относишься с пониманием. Тут могут быть различные преграды: разница образования, интересов, жизненного опыта, в конце концов – возрастная.

Но когда писатели моего поколения оказались мало знакомы с творчеством друг друга, это необъяснимо. Потому приводило и приводит до сих пор к нарушению литературного процесса, творческого обмена, соревновательного фактора, без которого не может быть никакого развития. Это не спортивный азарт, а – творческий. В нем всегда лишь один победитель – Литература.

И может быть, идея организации такого творческого соревнования сподвигла меня к изданию произведений писателей одного поколения, показав их творчество во всех жанрах: поэзия, проза, драматургия, дневники, очерки...

Столичных жителей в антологии треть. Большинство живет и работает по всей России. Это стало одной из важнейших побед Нашего проекта.

А потом нам удалось поехать с презентациями по городам, где живут писатели, и вместе с авторами встречаться с читателями, филологами, прессой. В одной из поездок – а это была неделя на Алтае – вы тоже приняли участие. Первый том издавался в вашем издательстве «Вертикаль. XXI век».

А вообще мне свойственно браться за невыполнимые задачи. Если всем кажется, что это невыполнимо, то я понимаю – это специально для меня. Особенно, если это и мне нужно.

И когда возникло предложение «Войны и Мира», а я сразу понял, что название должно быть именно таким, и не может быть никаким другим, было понятно, что проект неисполним. Хотя первоначально задумывалось всего пять томов. И могло показаться – возмись и перепечатай старое, немного дополнив сверстниками, например, опираясь на опыт «Нашего времени».

Но это, и правда, оказалось почти невыполнимо. Потому что еще никто не выполнял такого отбора. Когда все поколения русской литературы объединяются темой Великой Отечественной войны. И стихи у авторов надо еще поискать, перебрав уйму книг, а их при этом надо разыскать в библиотеках, у наследников, у друзей, у коллег-поэтов. Сколько писем написать и звонков совершить пришлось. В процессе оказалось, что мы мало кого знаем из высказавшихся на эту тему в разное время. А откликались стихами поэты с самого начала войны. Именно дата Начала войны и стала отправной в антологии – стихов довоенного времени в ней нет. И когда я говорю – мы почти никого не знаем, то это правда.

На слуху 20-30-50 имен. У самых продвинутых, как А.А. Парпара – сотня. Мне скажут – это лучше. Теперь я могу сказать точно – лучшего куда больше. В антологиях советской поры и недавнего времени – сотня, в числе которых те же имена, разбавленные по каким-то своим, избранным в данный момент принципам: политическому, национальному, вкусовому...

У меня был лишь один принцип – дать трибуну всем им, особенно тем, которые прожили свою талантливую жизнь вдалеке от столичной «общественной столовой». И это чаще всего помешало им быть включаемыми в столичные собрания.

Хотя у себя дома они были очень известны. О многих из них есть музейные экспозиции в библиотеках, школах, университетах на родине. Как говорят в столице – в каком-нибудь захолустье. Но как ни странно, большинство «известных» нам столичных имён давно забыты неблагодарными столичными жителями, хотя они заслужили памяти в поколениях. Опять же вспоминают единичные спорные чаще всего экземпляры. Вспомните хотя бы скандал в Нижнем Новгороде по поводу установки памятника поэту А. Мариенгофа, автору «Романа без вранья». Кстати, у него тоже были стихи и поэмы о войне, пока найти их мне не удалось.

Лучше бы побеспокоились о возвращении памятника М. Горькому на площадь у Белорусского вокзала. Даже «Литературная газета», обеща-

шая следить за возвращением памятника, уже забыла свои обещания по какой-то причине. А трамваи возвращают... но без памятника.

Большинство «провинциалов» любимы земляками до сих пор.

Эти авторы достойны быть услышаны уже за то, что они смогли талантливо сказать о Великой Отечественной, о страданиях на войне и в тыду, о страшных поражениях и великой Победе.

Вот сейчас пришла мысль: было бы уникальным, если бы кто-то решился и собрал стихи о Великих стройках той удивительной по свершениям страны СССР, которой никогда не было на земле до того, и, судя по всему, никогда не будет в будущем.

– Антология стихов «Война и Мир» – огромный проект. Немыслимо представить, чтобы такой объем работы мог осилить один человек. Кто-то работал вместе с вами?

– Почти вся страна помогала. Точнее, многие из тех, к кому мы обращался за помощью. Это и работники библиотек, которым названы именем поэтов, авторов антологии. И наследники, и живые еще ученики поэтов, и краеведы, и архивные работники... Я не смог бы сделать очень многое в этих пяти томах, если бы не технический редактор и корректор Виктория Денисова. Сегодня институт технического редактирования почти не существует. А она не только вычитывала, она проверяла по первоисточникам, искала повторы, случайные ошибки и делала многое-многое, что остается для читателей всегда за занавесом. Виктория нашла и показала мне несколько случаев плагиата, возникшего из-за «забывчивости» нашей, когда стихи прежде известных авторов сегодня печатают под своими именами наглые «соавторы».

– Значит, это воистину коллективный труд, поддержанный многими любителями русской поэзии? Поддержанный, потому что люди осознали его значимость для страны. Но неужели удалось полностью избежать сопротивления «творческой среды»? Я пятнадцать лет издаю журнал «Вертикаль. XXI век» и знаю, насколько эта среда ревнива к чужому труду. Так были ли такие, кто отказал в помощи? Если да, то, как они объясняли причину своего нежелания участвовать в реализации проекта «Война и Мир»?

– Самое неприятное, что не помогали те, кто должны были делать это по направлению своей основной деятельности: союзы писателей, издательства, выпускавшие по этой тематике сборники, журналы, газеты... Организованной помощи, не было. Не один центральный сайт союза писателей так и не опубликовал наше обращение к писателям. Это прискорбно.

– Не соглашусь с таким утверждением. На сайте Нижегородской областной организации Союза писателей России это обращение было размещено. Более того, поэт Ирина Дементьева прислала вам для «Войны и Мира» стихи своей матери, известной нижегородской поэтессы Лигии Лопуховой и супруга Сергея Карасева. Они уже ушли из жизни, но Ирина, сохраняя их память, отобрала нужные произведения для антологии. Да и я тоже отобрал необходимые поэтические сборники, передал их вам.

– Таких примеров помощи СП немного. К тому же я говорил о столичных, «головных» отделениях. Региональные, как раз, откликнулись с открытой душой. Присылали изданные в этих городах сборники к различным годовщинам Победы, собирали по наследникам стихи, искали фотографии. Очень большую помощь оказали Брянская, Смоленская, Краснодарская, Екатеринбургская писательские организации. А вот Питер как всегда был в стороне. Самоблокада у них что ли?

Низкий поклон вдове Брянского поэта Николая Ивановича Поснова – Тамаре Ивановне, она прислала не только стихи своего мужа, что вполне логично, а собрала стихи нескольких десятков брянских, смоленских, тульских авторов различных поколений. Благодарен я и наследникам П. Антокольского, М. Исаковского, А. Межирова, Н. Рыленкова, А. Твардовского, О. Шестинского... и многих других, кто откликнулся на мои письма, хотя порой контакт непросто складывался. И вам спасибо, что не оставили мою просьбу без ответа, подобрали книги, которых я сам бы найти не смог. Вот жаль, что архива СП СССР не сохранилось, и мы не смогли разыскать данные некоторых авторов. Вина нас всех, особенно тех, кто захватил власть в писательских союзах совсем не для заботы о них. Позор им – не желающим помнить предшественников, а помнящих лишь тех, кто им выгоден по той или иной причине.

Поэтому ситуация с «Войной и Миром» повторила историю с выходом антологии «Наше время». На обсуждении ее первых томов в Литературном институте, который тоже участвовал в издании, один из преподавателей, он же критик и активный сотрудник одного из СП заявил: мол, ужасно, что подобные глобальные проекты берутся делать, не пригласив в редколлегию именитых председателей СП или критиков.

Тут я понял, что сегодня дожидаться государственного подхода и ответственности практически невозможно. Везде зависть и корысть. А с другой стороны – почему прежде поэты и прозаики составляли подобные антологии, а наше поколение заранее признано людьми ущербными, неспособными выразить своё собственное мнение и взгляд на литературный процесс прошлых десятилетий? И это говорят и думают о нас именно нежелающие ничего делать для кого-либо другого, кроме себя любимых.

– Увы, это больная тема – творческий и человеческий эгоизм. Однако вы сказали, что проект десяти томный. Сейчас выходят пять томов. Что собрано в этих пяти книгах? И что нас ожидает в оставшихся, еще не ушедших в производство?

– Антология построена по возрастному принципу: отцы, дети и внуки. Важно, что в антологии не только стихи, но биографии и фотографии почти всех авторов. А это сделано впервые в таком объеме.

«Война и Мир» не только охватывает собой весь XX век, но и заглянула даже в XXI. Великая Отечественная до сих пор живет в сердцах и памяти детей и внуков ветеранов. Поэтому самым сложным было в самом начале оценить объем нашей работы. Как делить поэтов по поколениям? Уже составляя подборки, стало ясно, что Отцами мы будем называть две группы авторов: до 1927 г.р. и с 1927 по 1945 г.р. – те, кто, так или иначе, пережил войну. Оказалось, что родившихся до 1927 г. около 1100 человек.

Важно было не разделять авторов по политическим пристрастиям. Если в годы войны и после были настоящие стихи про партбилет, то почему эти произведения должны быть забыты? Хотя бы потому, что почти ни одно собрание не обходится до сих пор без стихов А. Межирова «Коммунисты, вперед!». Мало ли какие еще политические или иные взгляды будут у будущих поколений. Они в любом случае должны видеть истинную картину русской литературы того периода.

А еще было важно показать многонациональный состав той страны, которая победила; многонациональный состав поэтов, прошедших войну и рассказавших о ней.

В следующих томах мы покажем творчество поэтов последующих поколений: с 1946 по 1970 год рождения.

– Откуда взялось такое название антологии? Почему «Война» – понятно. Но почему «Мир»? И потом – уж очень явная переключка с названием великого романа Льва Николаевича Толстого.

– В ней три поколения русской поэзии... Мы условно назвали авторов отцами, дедми и внуками. Впервые их творчество, объединенное общей темой – Великой Отечественной войны и памяти о ней, собрано и представлено столь широко и полно.

Собрать под одной обложкой, чтобы живущие в мирное время современники и потомки никогда не забывали опыт своих героических, многострадальных предков, защитивших не только нас, живущих сегодня в России, но и все человечество от фашизма.

Именно последние пять томов должны стать особенно неожиданными. Хотя задача удивить нами не ставилась. Никогда никто не исследовал и не собирал стихи авторов нашего поколения. Все разрознено, словно снежинки в метель над Россией. И нам придется эти снежинки систематизировать.

Во второй половине антологии авторы, которые не видели войну, они дети Мира. Великого Мира! И страшного Мира. Все это хочется показать!

Я бы очень хотел, чтобы этим проектом в дальнейшем занимались институты и академии. Как говорится: это государство образующая задача. Может быть, вровень со строительством Днепрогэса! Поэтому взяться за нее должна вся страна! На памяти о Победе в будущих поколениях нельзя экономить налоги и доходы.

Яхты утонут, особняки разрушатся, «звезды» потухнут – поэзия вечна! Простите за пафос. Но тут он уместен.

– К такой антологии, к такому собранию стихов, где составителями поставлена перед собой задача раскрытия столь глобальной темы, явно напрашивается весомое, академического плана, предисловие, подписанное чьим-нибудь известным именем. Но его в книге нет. Почему?

– К сожалению, мы не смогли определиться с выбором ни одного из ныне живущих известных писателей, литературоведов, политиков. Особенно жаль, что недавно мы потеряли, может быть, последнего из живших рядом знатока поэзии той поры – Андрея Туркова. Он болел в последний годы, а был бы самым идеальным «предисловщиком». Хотя это слово тут не совсем к нему подходит, конечно.

Тем более неуместным было бы «гениальное» слово какого-нибудь писательского функционера.

Мы решили не обособлять антологию каким-либо человеком. Почти за каждым стоит своя жизненная история, некое литературное или политическое движение, а значит, вкусовщина, пресловутый человеческий фактор.

И поняли еще, что предисловие к ней написано самой историей СССР. Каждый живший и живущий мог бы поставить своё имя в списке редколлегии.

– Удалось ли вам, при составлении антологии избежать личных пристрастий в отборе тех или иных стихов? Какие авторы из «Войны и Мира» наиболее интересны именно вам? Случились ли лично для вас неожиданные открытия, когда прочитывали такой огромный объем стихов? И готовы ли вы к упрекам, которые, увы, неизбежно «обрушатся на вашу голову»? Ведь у нас помогать, особенно в общественном деле (каким бы важным оно не было), никто не торопится, но зато недоброжелательно поругать – тут хлебом не корми...

– О своих «открытиях» я написал в послесловие к первым пяти томам. Оно называется «Между будущим и прошлым – вечность памяти...», оно опубликовано в пятом томе.

Вот небольшая цитата оттуда: «Нельзя не сказать о том, что принесло нам большую радость в работе. Оказалось, что несколько десятков поэтов-ветеранов живы и теперь, многие из них еще работают: пишут,

издают книги, встречаются с читателями. И живут они по всей России: в Балтийске, Благовещенске, Брянске, Санкт-Петербурге, Москве и городах Московской области, Оренбурге, Рязани, в Свердловской области, в Смоленске, Твери, Туле...

Нам бы очень хотелось, чтобы стихи о Великой Отечественной войне разбудили самосознание каждого ныне живущего, как когда-то война объединила массы городского и сельского населения в поколение, которое назвали военным. Война поставила каждого пережившего ее человека, не только поэта, в новое соотношение с историей и народом. Исключив из антологии того или другого автора, мы бы изъяли неповторимый мемуарный образ Великой Отечественной войны».

Именно знание, что рядом с тобой еще есть эти удивительные люди, о которых вспоминают чаще всего только 9 мая, заставляет иначе организовывать мне свою жизнь. Ответственнее что ли...

– А ведь попыток собрать нечто похожее было немало и до вас! Конечно, не в столь грандиозном масштабе, но всё-таки... Вы можете сформулировать главное отличие ваших книг от тех, которые издавались раньше? В чем заключается главная отличительная идея именно «Войны и Мира»?

– Так и есть. Работая над Антологией, я с большим удовольствием познакомился с несколькими десятком отдельных сборников и многотомников. Но все они были по-своему ограничены. Одни собирали знаменитостей. Другие – региональных авторов. Третьи и четвертые – по партийному или антипартийному принципу. Были книги, посвященные: победам в крупных сражениях, битвам за города, собрания поэмы, сборники с произведениями об отдельных героях.

Мы сразу выбрали совсем иной принцип: собрать воедино три поколения русской поэзии... Мы условно назвали авторов отцами, детьми и внуками. Впервые их творчество собрано и представлено столь широко и полно, объединенное общей темой – Великой Отечественной войны и памяти о ней. Хотя правильнее будет сказать – темой *войны и мира*. Неразрывное единство этих противоположностей пытались осмыслить поэты, а мы – собрать под одной обложкой, чтобы современники и потомки никогда не забывали опыт своих героических, многострадальных предков, защитивших не только нас, живущих сегодня в России, но и все человечество от фашизма. Хотя сегодня этот факт многими странами начинает оспариваться.

– Мы все время говорим о печатных изданиях. Но сегодня век Интернета. Думаю, вы в своей работе пользовались услугами глобальной сети. Насколько это вам помогло?

– Во-первых, оказалось, что в Интернете много полезных сайтов. И каждый по-своему интересен. Например, несколько сайтов о местах захоронений известных людей. Есть специфические еврейские справочники. Жаль, что подробных и полных, подобных этим, нет больше ни у одного народа России. А еще есть сайты, которые делают подвижники, где публикуются стихи многих сотен авторов, чьи произведения они берут из различных книг, сборников, альманахов, журналов, газет. Это огромная работа. Важная работа...

Есть замечательный клуб авторской(!) песни, он издает свою антологию. Но у них, как не удивительно, основной акцент не на бардах. В неё включено много произведений авторов и нашей антологии, а главное они не забывают про биографии и фотографии, которые не так просто сегодня найти.

Надо с благодарностью отметить, что Министерство обороны РФ начало публикацию документов о фронтовиках на сайтах «Память народа»

и «Подвиг народа». Там можно узнать очень многое о тех далеких событиях. Эта информация помогла и мне. Я нашел неизвестные боевые документы об отце. Но даже там нет очень многого.

– Мне, как редактору журнала и издателю, довольно часто приходится слышать одну и ту же реплику: «Да кто сейчас читает книги! Все необходимое есть в социальных сетях». Однако вы пошли путем издания именно «бумажного варианта книг». Почему? И как вы считаете, каким тиражом должны издаваться подобные антологии?

– Эти книги должны быть в библиотеке каждого учебного учреждения. Чтобы внуки победителей могли изучать не только стихи нескольких десятков широко известных авторов, но и своих земляков. Если учесть, что произведения почти 1100 авторов включены в начальные пять томов, понятно, что родились или жили они почти в каждом крае, области, республике страны. Сейчас много занимаются краеведением. Так в нашем Рузском районе жил поэт Юрий Мельников (1922-1996). Юрий Иосифович Мельников родился в д. Варварино Рузского р-на Московской области. Добровольцем ушел на фронт. Освобождал от фашистских захватчиков пос. Пушкинские Горы и с. Михайловское, штурмовал Кенигсберг, о чем остались следы в его стихах. Участвовал в Параде Победы. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Я не смог сам найти точных биографических данных. А школьники на краеведческой конференции в Рузе сообщили в своём докладе много полезного.

Кстати, стихотворение прекрасного поэта ружанина Юрия Мельникова, посвященное Зое Космодемьянской оказалось «неожиданной» для земляков находкой. Оно завершается такой строфой:

*Стареют даже звезды млечные,
И сходит молодость на нет,
А ей с войны на веки вечные
Достались восемнадцать лет.*

– Борис Иванович, я задам вам вопрос, предваряя множество подобных вопросов, которые вам неизбежно придется услышать – почему те или иные авторы не попали в антологию?

– В книги включены стихи, посвященные Великой Отечественной войне! Т.е. отбирались произведения, написанные с 22 июня 1941 года. Очень много стихов, бывшие и остающиеся на слуху, написаны были по следам Финской зимней войны, Халхин-Гола, Испании и даже начала Второй Мировой.

Пришлось очень внимательно искать даты. Некоторые произведения изымались уже из верстки. Но я уверен, что какие-то «ошибки» все равно остались. Пусть читатели и филологи не будет слишком строги к нам. А просто подскажет места возможных ошибок.

– Вы уже задумывались над тем, как современный читатель может воспринять эту антологию? Мне кажется, что при завершении работы, такой вопрос перед вами непременно должен был встать.

– Семья моя, помогавшая мне в работе, и плакала, и гордилась прочитанным, сами читали, друзьям рассылали, особо понравившиеся им стихи. А на день Победы собрал я московских поэтов на поэтические чтения. Они почитали свои стихи, а я читал стихи из Антологии «Война и Мир». Читал стихи еще живых поэтов. А ведь это воевавшие всё люди. Почти сорок человек живут в разных городах нашей страны, несколько человек за границей. И не просто живут, а пишут и издают новые книги.

– *Давайте обратимся к конкретным «административным» вопросам. И самый первый (он же и самый важный) – как будет распространяться антология? Где читатели смогут познакомиться с ее содержанием? А, может быть, уже есть те, кто с ней познакомился, есть какие-то отклики?*

– В выходных данных указано: *издание некоммерческое*. Бездоходное! Продаже не подлежит! Может быть, впервые за историю существования подобных изданий! Т.е. распространяется бесплатно. Жаль только, что тираж ее для России (не говоря уже о необъятной территории бывшего СССР) слишком мал. Надеюсь, что после выхода Антологии и положительной прессы, государство обратит внимание на непреходящее значение этого издания.

Один из прочитавших наше обращение к авторам прислал хамское письмо, назвав нас хапугами, присваивающими чужой труд.

Правда, потом оказалось, что данный эмоциональный «автор» случайно попал в круг рассылки. И не являлся даже потенциальным автором.

Я надеюсь, что Фонд «Дорога Жизни» сделает так, чтобы каждый участник или наследник сможет получить свой авторский экземпляр с подборкой стихов.

Вообще, у нас получилось житее поколения, пережившего (и не пережившего) войну. Авторы были не только на фронте, но и в тылу. Подвиг многих из них, даже почти всех, стал отправной точкой для написания ими стихов, в которых, этого самого подвига, мы и не увидим. Они не кричали о себе – вот мол, какой я великий и необычный – они просто рассказывали о том страшном, грандиозном, величественном подвиге народа, о котором только и стоило рассказывать.

Рядом с моей деревней Архангельское, Рузского района Московской области знаменитое Петрищево, в котором музей Зои Космодемьянской. Вот директору этого музея и отправлял я стихи о героической девушке, многие произведения прежде им были неизвестны. Как-то не принято было прежде среди поэтов рассылать свои стихи по музеям, а, судя по всему, очень даже надо.

Например, в пятом томе будет дополнение к переводу знаменитой поэмы Назыма Хикмета. В переводе Маргариты Алигер поэма известна в урезанном виде. А нового перевода так никто и не сделал до сих пор. Есть только переведенный заново финал поэмы. А произведение великолепное. У него удивительная история. Оно так сказать «дитя» тюрьмы. Хикмет вложил в неё всю боль узника, готовившегося к смерти. Как и сама русская героиня – юная комсомолка.

Мне ничего неизвестно об авторе перевода последней строфы. Только имя – А. Смоляр. Я надеюсь, что кто-нибудь из читателей подскажет, кто он и откуда.

А вот как звучит в его исполнении финал поэмы:

И видели люди, и видел Бог,
как оно над землей взлетело,
как весть о победе грядущей,
как символ бессмертия, как
бессилие силы гнетущей,
что все в этом мире не так
во все времена,
как должно быть,
не только должно быть, увы,
а истинно, хоть и не знает
никто, что есть истина. «Мама!
Ты не ходи дальше, мама.
Здесь и простимся навек...»
...Sapiens ли человек?

Поэма эта вошла в созданную Хикметом грандиозную стихотворную эпопею – «Человеческая панорама», поэт называл ее «Поэтической историей XX века». Наша антология сродни его работе по задачам!

Действие эпопеи происходит на всех материках земного шара. В ней тысяча героев, шестьдесят шесть тысяч стихотворных строк. Когда-то большая часть ее долго лежала спрятанная в земле, сокрытая от «всевидающего ока» полиции... А теперь ее «прячет» от цивилизации людское нелюбопытство и душевно-сердечная слепота потребителя бытового достатка.

Если Антология «Война и Мир» останется в этом минимальном количестве, то это будет равняться забвению и замалчиванию.

А тут самое время вспомнить ваши слова в самом начале нашего разговора про ветеранов с наградами на пиджаках, и про мальчишек играющих медалями «За отвагу» своих отцов в чеканку.

И теперь мне кажется, что эта работа для меня, похожа на вашу игру «этими металлическими кружляшками», которые переворачивались с решки на орла. Слишком важны они мне. И всем современникам теперь тоже должны быть важны эти «кружляшки» «За отвагу», перевернувшиеся «с решки на орла» в колоннах «Бессмертного полка»!

– В завершении нашей беседы не могу не спросить о своих земляках-нижегородцах. Кто из поэтов земли Кузьмы Минина и Серафима Саровского представлен на страницах антологии? Ощущается ли в их произведениях особый нижегородский колорит?

– Нижегородская земля богата талантами. Ну, как же нижегородские поэты могли быть забыты. Перечислить всех здесь я не смогу. В первых томах представлены произведения наших с вами земляков: В.М. Автономова, Г.В. Бедняева, С.Е. Вечканова, Н.И. Глазкова, В.И. Замышевского, А.И. Люкина, И.Т. Мишенина, А.В. Печальнова, М.И. Пиголкина, Б.И. Пильника, А.И. Плотникова, В.В. Половинкина, И.А. Симаненкова, М.Я. Сточика, Ф.Г. Сухова, Н.Н. Филиппова, Ф.П. Фоломина, А.В. Чеботарева, М.В. Шестерикова, И.Е. Шумилкина, Б.Х. Шумилова...

Нельзя не вспомнить, и других, чье присутствие в нашем городе и культуре не могло не отразиться на его развитии. Например, в 1934–1941 годах поэт, актер, художник Павел Григорьевич Антокольский руководил народным театром в Горьком, впоследствии ставшим фронтовым театром. Как бы отрицательно не относился сам поэт к этой деятельности, но трудно представить, что вокруг этого удивительного, как сегодня принято говорить, суперактивного человека не создался круг талантливых творческих единомышленников. Уверен, что сегодня в Нижнем Новгороде почти никто не вспомнит о таком театре и его руководителе. Кстати, именно в эти годы у Антокольского вышла книга «Пушкинский год», в 1937 был столетием со Дня рождения Александра Сергеевича и отмечался юбилей с размахом в СССР. Знаю, что в вашем журнале постоянно публикуются материалы по истории нижегородских театров. Может, и эту страницу вы осветите когда-нибудь.

Из биографий авторов удавалось узнать очень много интересного, иной раз это отвлекало от работы и уводило по историческим тропкам в глубину истории. В конце января 1942 года был эвакуирован в Балахну (Горьковская область) литовский поэт Антанас Венцлова, он же – народный комиссар просвещения Литовской ССР. Там формировалась Литовская дивизия. Только весной его отзовут в Москву. А в феврале он принимал участие в организуемых в Горьком в воинских частях литературных вечерах.

Есть еще несколько замечательных поэтов, в чьей судьбе Горький (Нижний Новгород) оставил свой след. Но это другая история...

А про нижегородский колорит... Вы вспоминали в самом начале про особенности своего времени, т.е. про его воздух. И в стихах наших земляков эта атмосфера прошлого, а для моих родителей – настоящего, мне

особенна ценна. Как ни странно этих картинок больше у поэтов послевоенного поколения. Но о них мы еще поговорим, когда будут выпущены следующие тома.

А для финала вспомним четверостишие Александра Люкина, в нем сконцентрированно передана одна из важнейших мыслей для понимания задачи Антологии «Война и Мир»:

Бился я за Россию,
И где холмик дымился,
Где нас пули косили,
Я с Россиєю слился.

И мне показалось, что каждый из авторов – моя связующая нить, мои корни, которые укрепляли меня во время работы с их стихами, как землю на краю обрыва или вдоль оврагов. А стране нашей, каждому жителю ее очень необходимо эту родную ему телесность прочувствовать, а тогда есть на что опереться и душе – не только в мирное время, но и в военное.

Но если проще сказать, без громких слов, надеюсь, что труд наш станет хотя бы строкой в летописи нижегородской литературы.

Ноябрь, 2016 г.